

Русский швед

(Окончание.
Начало на 1-й стр.).

ШКОЛА

Ярл Матиассон родом, как он сам говорит, «из деревни». Хотя в Швеции деревень как таковых нет — есть фермы, фермерские хозяйства по-нашему. Отец и мать — типичные фермеры: имели 25 гектаров земли, на которой выращивали свеклу и клевер, ведь семья держала 12 коров, а также с десяток свиноматок. Рассказывая мне об этом, Ярл говорит, что детство у них с братом было сугубо крестьянским, трудовым, и вот тут-то я узнала о его дружбе с тяткой: «Тяпали по гектару свеклы». Ярл говорит об этом с нескрываемой гордостью, ведь на его родине умение хорошо работать на земле ценится превыше всего, а сельский труд считается престижным. «Здесь, увы, не так, — с горечью заметил он, — в России сельскохозяйственный труд считают делом низким, недостойным, что ли. Стремятся детей в город отправить, квартиры им там купить... У нас наоборот. Хотя сейчас ситуация и здесь немножко меняется».

В Швеции Ярл получил специальность практического агронома. В ходе обучения год теории чередуется с годом практики — так учился шесть лет. Толково, не правда ли? Не потому ли сельскохозяйственные кадры из Швеции так ценятся во всем мире?

— Вот была у меня практика в Америке, в штате Монтана, — рассказывает Ярл. — Фермерская семья — сын да отец, и я — мы вдвоем обрабатывали 2,5 тысячи гектаров, ведь техники у них было много. Засуха, дождя за все лето ни капли, урожайность низкая — 10 центнеров на круг. Это было для меня полезной школой.

Ярл замолчал, что-то обдумывая, а потом, вскинув вспыхнувшие голубые глаза на сидевшего напротив Александра Агаркова, начальника райсельхозуправления, с восхищением сказал ему: «А смотри: у нас ведь в этом году тоже с 8 мая до самой уборки — ни дождинки, а урожайность какую получили? Там ведь земля — почти песок, вся влага сразу уходит, а здесь земля влагу держала все лето...».

ЗЕМЛЯ

Своего благоговейного отношения к земле Ярл не скрывает. Может на чем угодно экономить, только на землю средств не жалеет. Он любит повторять: «Если поле не даст, никто не даст». И смеется: «Запиши — это современная русско-шведская поговорка!». Увидев однажды ливенские черноземы (после каменистой почвы Швеции), он влюбился в них на всю жизнь. Видели бы вы, с каким блаженным выражением он выговаривает: «Русская земля...». Ярл говорит, что такой нет нигде в мире. В деревне Головищи, где ему из районного фонда отвели участок под фермерское хозяйство, у Ярла вместе с паевыми 1280 гектаров такой «русской земли». В Ливенском районе из 136 тысяч гектаров пашни 80 тысяч занимает чернозем. Тот самый, заметный, какого нигде в мире нет. И с этой драгоценной землей наш русско-шведский фермер обращается как по-добает. Он трепетно следит за строжайшим соблюдением аграрной технологии, проявляя при

этом чудеса трудоспособности: надо, скажем, свеклу два раза по полдозы гербицидов обработать против сорняков — обработает два раза, а не один раз полной дозой, как делают ленивые. Ярл знает, полная доза гербицидов, «врезанная» одновременно, подавляет не только рост сорняков, но и свеклы, поэтому он и не позволяет себе расслабиться. Поэтому свекла у него и вырастает без затрат ручного труда (без приснопамятной тятки) и дает под 500 центнеров с гектара. Под зерновые он вносит трехкратную подкормку, потому и пшеница у него 3-го класса. Осимая пшеница дала нынче 54 центнера на круг, пивоваренный ячмень — 57.

Животноводством Ярл пока не обзавелся и горюет об этом. И опять же горюет за землю: ведь нет скота — нет навоза, а лучшего

на короткий срок (в Швеции — на 20—30 лет).

Вообще же Матиассон считает, что самая оптимальная форма хозяйствования на земле — частная ферма на 2,5—3 тысячи гектаров земли плюс крупный рогатый скот и свиноводство. Он счи-

тракторков (им уже по 30 лет, они — единственное наследство, которое он вывез из Швеции) мощные американские тракторы, комбайны «Кляйн» и прочая современная техника выглядят весьма внушительно. Гордость Матиассона — зерносклады и мехток, построенные по западному проекту, им самим усовершенствованному. В прошлом году он приобрел сюда зерноочистительный комплекс «Петкус» (мощностью 50 тонн зерна в час), и теперь здесь сортируется, калибруется весь урожай. Неподалеку от тока и мехбазы Ярл недавно построил и дом. Что бросилось в глаза — некогда пустынный луг превращен этим неутомимым хозяином в настоящий оазис: перед домом изысканный газон, обсаженный деревьями и кустарниками; вдоль всей усадьбы — хвойные деревья, даже лесок неподалеку прирос высаженными им красными дубами (200 дубов!). «Это от ветра, — объясняет Ярл и добавляет — да и для души». А ведь так заботиться можно только о своей родной земле — подумалось мне. На которой человек собирается жить всю жизнь и на которой будут жить его наследники.

СЕМЬЯ

Как бы ни притягивал ливенский чернозем своей тучностью шведского парня, а родной землей Орловщина стала для него, конечно, благодаря жене Гале. Галя Матиассон — красавица, и красива она так, как может быть красива только русская женщина: величавая, целомудренно-сдержанная... Ярл считает, что наши женщины не только красивее, но и поведением своим выигрывают у «европеек», как он говорит: «достойно держат себя». Галя — коренная, ливенская, с Ярлом познакомились, когда она, после иняза, работала переводчицей, помогала шведским консультантам находить общий язык с ливенскими аграриями. Друг с другом общий язык поймут важность этого аспекта. Уже понимают.

Я побывала на земле Матиассона в ООО «Космаковка» — так называется его хозяйство. На фоне отцовских еще стареньких Сейчас Галина работает в фермерском хозяйстве мужа: занимается реализацией продукции, немного бухгалтерией. Подрастает сынок Мартин.

Спрашиваю у Ярла: на его родине, в Швеции, уровень жизни — один из самых высоких в Европе, наверное, он хотел бы, чтобы его сын жил там? Зачем же, ответил мне русский швед, мы живем и работаем в России и хотим, чтобы и наш сын жил здесь. Здесь есть все возможности для реали-

зации потенциала, здесь он получит хорошее образование (отец хочет, чтобы сын стал зоотехником или ветврачом). Захочет увидеть мир, пожалуйста, заработай и поезжай, куда душа пожелает, в качестве туриста. А жить, считает Ярл, лучше в России: здесь и климат здоровый (особенно Ярлу нравится наш русский мороз — ведь он обожает ходить на лыжах!), и невесту хорошую найдет себе, и друзей, и товарищей по работе, ведь люди в России, говорит он, замечательные — простые, открытые, радужные, всегда готовые прийти на помощь.

К слову, всюду, где бы ни пришлось наблюдать за Ярлом, люди относятся к нему очень радушно: наверное, потому, что он сам очень вежливый, коммуникабельный, уважительный со всеми. Особенно меня поразили его взаимоотношения с молодыми механизаторами, которые работают в его хозяйстве. С ними он держится на равных, как с друзьями, никакой начальственной пристройки «над». Это тоже его семья по большому счету. Ярл следит, чтобы никто из работающих у него не был обижен, каждый получает по заслугам, т.е. по трудовому участию (в течение года каждый получает ежемесячную зарплату в размере семи тысяч рублей, а в конце года — так называемые премиальные от 70 тысяч, в зависимости от вклада). Средний возраст работников — 28—30 лет. «Очень хорошие ребята, — говорит о них Ярл, — трезвые, трудолюбивые, у всех отличные семьи... Это наша опора!»

Всюду на базе кипит работа: разгружают тюки с удобрениями, ремонтируют технику. Подходим к наполовину разобранному «Кировцу». Из-под кабины торчат огромные валенки с галошами. «Сергея, вылезай, — весело зовет Ярл, — гости пришли!». «Сергея» оказался здоровенным детинкой лет 27-ми, с улыбкой во весь рот. Пожал руку Ярлу. Перекинулись парой слов («Я стараюсь не вмешиваться в работу, когда много начальников, — это не есть хорошо»). Сергей Румянцев — главный пахарь в «Космаковке»: в прошлом году за весну—осень вспахал, продисковал, прокультивировал на своем «Кировце» три тысячи гектаров.

...Перед тем, как покинуть фермерскую усадьбу, я еще раз оглянулась на дом, высоченный мехток, склады... Всюду чистота, порядок. Заботливо укутанные декоративные кусты вокруг дома; на лужайке, где летом, говорят, пышно зеленеет газон, задорно топорщит снежки-руки снеговик... Молодые механизаторы что-то весело рассказывают Ярлу, их громкий хохот разлетается эхом над соседним глубоким оврагом... «Нет, подумала я, — он все-таки больше русский, чем швед».

Татьяна ПАВЛОВА.
Фото автора.

удобрения не придумаешь; опять же — без скота нет травы, а значит, севооборот неполноценный, ведь клевер — то же азотное удобрение. «Без животноводства хозяйство неполное, к тому же скотина всегда будет выгодна, круглый год доход» — с этим его мнением вряд ли кто не согласится. Удерживает его одно — нужны средства для возведения капитальных строений, для закупки скота, а кредиты наши банки выдают под огромные проценты и

тает, что за такой формой сельхозпроизводства — среднего размера частная ферма — будущее. Только ферма перспективна. В крупных же агрофирмах, по его мнению, неизбежно снижается экологическая безопасность продукции. И очень скоро люди поймут важность этого аспекта. Уже понимают.

Я побывала на земле Матиассона в ООО «Космаковка» — так называется его хозяйство. На фоне отцовских еще стареньких

